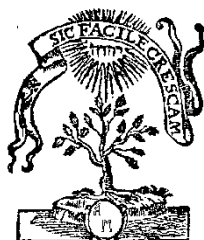

«В ОТВЕТ
НА ЛУЧШИЕ ДАРЫ»:

ВЕНОК

К 63-МУ ДНЮ РОЖДЕНИЯ

АЛЕКСАНДРА ЕВГЕНЬЕВИЧА МАХОВА

Т У Л А
АКВАРИУС
2 0 2 2

Е. В. Пчелов

(Москва, ИАИ РГГУ, ИИЕТ РАН)

Была ли западноевропейская эмблематика источником для русской геральдики допетровского времени?

192

Александрю Евгеньевичу Махову принадлежит переиздание в конце XX века знаменитой книги, сыгравшей большую роль в русской культуре XVIII — начала XIX вв., «Символы и эмблемата»¹. Как известно, первое её издание увидело свет в 1705 г. в Амстердаме, в типографии, основанной Яном Тессингом и принадлежавшей Генриху Ветстению. Книга представляла собой сборник из 840 эмблем с их толкованиями (девизами) на нескольких европейских языках, в том числе на русском. Как давно установлено, изображения были заимствованы из французской эмблематической традиции, и это был первый, да и, по сути, единственный опыт книжной инкорпорации западноевропейской эмблематики в русскую культуру. Между тем, ряд эмблем из этой книги, как показали исследования, лёг в основу создававшихся в XVIII веке (особенно в первой его половине) российских городских гербов². Но кроме того, в историографии высказывалось и предположение о влиянии западноевропейской эмблематики на русскую геральдику более раннего, допетровского времени, а именно на титульные гербы, то есть гербы («печати», эмблемы) тех земель, чьи наименования (с соответствующим статусом правителя) входили в состав титула русских государей³. Попытаемся определить: так ли это?

Титульная геральдика во второй половине XVI–XVII вв. прошла длительную эволюцию, ознаменовавшуюся несколькими этапными трансформация-

¹ Эмблемы и символы / Вступ. ст. и коммент. А. Е. Махова. М., 1995, 2000.

² *Соболева Н. А.* Российская городская и областная геральдика XVIII–XIX вв. М., 1981. С. 178–182; *Емелин И. Б.* Neutra timet // Sub clureo. № 1, декабрь 2009. С. 4–25; *Емелин И. Б.* Герб, Ленин и масоны // Sub clureo. № 6, апрель 2014. С. 12–19; *Емелин И. Б.* Кончай прикидываться святым! // Sub clureo. № 7, октябрь 2014. С. 7–16; и др.

³ *Соболева Н. А.* Указ. соч. С. 172–174.

ми⁴. Первый дошедший до нас памятник, на котором присутствуют титульные гербы («печати») — Большая государственная печать Ивана Грозного, создание которой датируется концом 1570-х гг., т.е. периодом Ливонской войны (по-видимому, она и была сделана в связи с территориальными присоединениями и претензиями времён этой войны, что нашло отражение и в царском титуле). На этой печати представлены 24 территориальные эмблемы, из которых пять являются заимствованиями из европейской геральдики. Таким образом, собственно «русскими» можно считать 19 эмблем. Большинство изображений на этих печатях предельно конкретны и, вероятно, отражают местные природные и промысловые особенности. Таковы изображения различных животных (хищных пушных зверей, белки, диких копытных, коня, птицы и рыб), представленные на 10 печатях. Кроме того, на трёх помещены предметы вооружения — лук со стрелой, стрела и сабля. Таким образом, 13 печатей не имеют ярко выраженного символического характера и, скорее, соответствуют региональной специфике (попытка увидеть в них некие эмблемы, опираясь, в частности, на «Физиолог», не кажется убедительными). Остаются шесть печатей, изображения на которых более «эмблематичны». То, что именно изображено на них, выясняется на основании сохранившихся росписей печатей уже XVII века (конечно, в том случае, если изображения не претерпели существенных изменений). Это следующие печати (цитирую по описаниям печатей XVII в.)⁵:

— Новгородская — «место, а на месте посох, около места по сторонам по медведю стоячему, в выспеде под местом земля, под землёю озеро, а на озере две рыбы». При Иване Грозном по бокам места стояли медведь и рысь. Впоследствии количество рыб могло меняться, а «место» именоваться престолом с четырьмя ступенями;

— Казанская — «змея летучей, а на нём венец», или, по другому описанию, василиск в короне;

— Астраханская — её описания нет, поскольку впоследствии изображение стало другим. Но, судя по изображению на печати Ивана Грозного, там помещён какой-то хищный зверь, возможно волк, увенчанный короной;

— Псковская — барс, а в описании 1665 г. — рысь;

— Тверская (на печати Ивана Грозного она названа Смоленской, но это явная и хорошо объяснимая инверсия) — «место да шапка», а по более поздним описаниям — «престол без ступени, на престоле лежит венец царский». Так этот престол с венцом и выглядит на печати Ивана Грозного;

⁴ Пчелов Е. В. Титульная геральдика Московского царства: этапы формирования // Вопросы истории. № 9 (2), 2021. С. 186–195.

⁵ См.: Пчелов Е. В. «Роспись всем государевым печатям» 1626 г. и титульная геральдика Московского царства // Нумизматические чтения Государственного Исторического музея 2018 года. Материалы докладов и сообщений. М., 2018. С. 192–195; Пчелов Е. В. «Описание печатей Алексея Михайловича» и титульная геральдика Московского царства // Нумизматические чтения Государственного Исторического музея 2019 года. Материалы докладов и сообщений. М., 2019. С. 190–194; Голованова М. П. Знамена второй половины XVI–XX вв. Каталог собрания ГИКМЗ «Московский Кремль». Т. 1. М., 2019. С. 75.

– Болгарская — «барс идущей».

Поскольку барсы навряд ли водились в Псковской земле и в верхнем Поволжье (под барсами в Древней Руси подразумевались гепарды, в том числе использовавшиеся для охоты), можно полагать, что в этих случаях мы также имеем дело с чисто эмблематическими изображениями (подобно изображениям львов на новгородских печатях времён независимости).

Происхождение казанской эмблемы усматривают в литературном источнике середины XVI в. — «Казанской истории». Источники для изображений на других печатях неясны (понятно только, что новгородская печать прошла определённую эволюцию), но в некоторых случаях, по-видимому, их следует искать в местных государственных традициях. Так, «место», т. е. ступенчатое возвышение, на новгородской печати, как уже неоднократно указывалось, могло изображать вечевую «степень», место должностных лиц на новгородском вече, а венец или княжеская шапка на престоле в случае Твери — свидетельствовать о великокняжеском статусе этой земли, весьма существенном во внутригосударственной иерархии уже Московского царства. Точно так же и короны над головами змея (т. е. дракона) или василиска на казанской печати и волка (?) на астраханской указывали на царский статус этих территориальных образований, отразившийся и в титуле в формах «царь Казанский, царь Астраханский» — (напомню, что до самого конца XVI в. Сибирь в эту триаду царств не входила, хотя и была зафиксирована в титуле). Иными словами, навряд ли во всех этих случаях можно усматривать непосредственное влияние западноевропейской эмблематики или геральдики на русские титульные печати, хотя изображения на некоторых из них и носят весьма близкий к геральдике характер.

Далее в титульной геральдике произошли определённые изменения. Они относятся ко времени царя Михаила Фёдоровича и зафиксированы в источниках 1620-х гг. Изменились изображения на четырёх печатях и относительно одной произошла инверсия (это касается пермской печати, на которую «пришло» изображение медведя с печати смоленской). Нововведения коснулись следующих печатей:

- Астраханская — венец (или корона), под венцом сабля;
- Сибирская — «древо кедр, по сторонам у древа по соболу»;
- Рязанская — «человек, а у него в правой руке меч», в описании 1665 г. — «человек стоящей во одежде, под одеждою бронь, в правой руке держит саблю голую, другою рукою держит за ножны». Позднее этого «человека» стали называть князем.

И на вятской печати к натянутому луку со стрелой была добавлена держащая лук рука.

Кроме того, болгарский барс на саадном покровце Большого наряда Михаила Фёдоровича, где были представлены изображения некоторых титульных печатей, выглядит не как брас, а, скорее, как некое хищное животное с небольшим хвостом (может быть, и вправду напоминающее рысь). Но можно полагать, что эта вариация для нашей темы существенного значения не имеет. Также и ростовская печать, на которой при Иване Грозном была изображена какая-то птица, теперь стала носить изобра-

жение оленя. Но опять-таки и в этом случае ничего сугубо эмблематического в этом изображении не было (напротив, олень выглядел довольно реалистично).

Итак, можно ли усматривать европейскую эмблематику в этих, новых вариантах титульных гербов? Изображение на сибирской печати совершенно явно отражает местную природно-промысловую специфику Сибири. Рязанский воин с мечом также не несёт никаких специфических эмблематических черт — этот образ может отражать военное дело когда-то пограничного региона (или же великокняжеский статус бывшего Рязанского государства). Венец на астраханской печати, так же как и корона на волке в предыдущем её варианте, указывает на царский статус этой титульной территории. Более-менее некоторые эмблематические черты можно усмотреть разве что в самой композиции на астраханской печати (венец и под ним сабля) и в композиционном решении печати вятской (рука, держащая натянутый лук со стрелой).

Пойдём дальше. Следующий этап в эволюции титульной геральдики пришёлся на период 1665–1675 гг., когда произошла, можно сказать, окончательная кодификация всех титульных эмблем, завершившаяся созданием «Титулярника» в 1672 г. (хотя старые варианты некоторых изображений ещё продолжали использоваться какое-то время и позже). В указе о создании Гербового знамени царя Алексея Михайловича от 1665 г. среди изображённых на знамени печатей упоминаются гербы двенадцати титульных объектов (уже упомянутые мною ранее), но на самом знамени к ним прибавилась ещё одна печать — смоленская. На ней изображена пушка с чем-то сидящим на ней (по причине плохой сохранности этого знамени изображение различить практически невозможно). На саадачных приборах царевича Алексея Алексеевича 1667 года и царя Алексея Михайловича 1673 года в качестве смоленской печати выступает просто изображение пушки без всяких других элементов. Понятно, что эта смоленская печать была создана во время войны с Речью Посполитой, когда произошло, наконец, последнее отвоевание Смоленска у Литвы. Пушка более чем естественно показывала военные победы московского войска. Кстати, на обоих саадачных приборах на сибирской печати была представлена стрела, по сторонам которой стоят два соболя. Это отличало её от прежнего варианта — с кедровым деревом, но опять-таки выглядело вполне очевидным отражением сибирской специфики. То же изображение сибирской печати перешло и на золотую тарель мастера Юрия Фробоса, сделанную для Алексея Михайловича в 1675 году.

Но свой окончательный вид титульная геральдика приобрела в знаменитом «Титулярнике» 1672 г., известном в нескольких экземплярах⁶. В нём представлено 33 титульных герба, некоторые из которых были, со всей

⁶ Подробнее об этом см.: *Пчелов Е. В.* Изображения титульных гербов России в различных экземплярах царского «Титулярника» // Геральдика: исследования и практика. Материалы научной конференции 20–22 февраля 2019 г. / Труды Государственного Эрмитажа. Т. СII (102). СПб., 2020. С. 9–19.

очевидностью, созданы заново, возможно даже, в процессе работы над самой этой книгой. Из этих 33 гербов по меньшей мере шесть были прямо заимствованы из европейской геральдики (а точнее, геральдики Речи Посполитой). Девять гербов (иногда с некоторыми, несущественными для нашей темы изменениями) повторяли гербы предшествующей традиции (времен Михаила Фёдоровича и даже Ивана Грозного). Сибирский герб был сконструирован чисто геральдическим способом⁷. В пяти случаях прежние изображения в гербах были дополнены чисто христианской символикой (это вообще была магистральная идеологическая тенденция для гербов «Титулярника», что подтверждают и написанные вскоре неизвестным автором и частично сохранившиеся «геральдические вирши»)⁸. Так, псковский герб был дополнен выходящей из облаков над барсом рукой; на смоленском гербе на пушке разместилась райская птица (гамаюн); на спине пермского медведя появилось евангелие, увенчанное крестом; вятский герб был также дополнен изображением креста; а болгарский барс держал в лапе хоругвь с полотнищем, опять-таки несущим изображение креста (в анонимном «Описании гербам», составленном в те же годы, он, впрочем, именуется уже «агнцем с прапором», каковым и остался в дальнейшем).

И наконец, двенадцать земельных гербов в «Титулярнике» были совершенно новыми. Из них герб, относящийся к титульному определению «Карталинских и Грузинских царей», представляет собой традиционный для Грузии символ — Георгия Победоносца, поражающего дракона, а герб кондинский является прямым заимствованием из шведской территориальной геральдики, а именно повторением герба Лапландии (возможно, та же шведская геральдика повлияла и на трансформацию болгарского барса в агнца с хоругвью, аналогичного гербу Готланда)⁹. Киевский герб изображает архангела Михаила с мечом и не имеет сугубо эмблематической подоплёки. Остальные гербы представляют собой следующие изображения:

- Владимирский — восстающий коронованный лев с длинным крестом в лапах;
- Югорский — выходящие из облаков навстречу друг другу руки, держащие копьё крест-накрест;
- Черниговский — одноглавый коронованный орёл с длинным крестом в одной из лап, расположенном диагонально;
- Ярославский — идущий на задних лапах медведь с протазаном;

⁷ См.: Пчелов Е. В. Как сформировался герб Сибирского царства в XVI–XVII веках // Труды Государственного Эрмитажа: [Т.] 92: Геральдика: исследования и практика. Конференция, посвящённая 25-летию воссоздания Геральдической службы в Российской Федерации / Государственный Эрмитаж. СПб., 2018. С. 64–66.

⁸ См. подробнее: Пчелов Е. В. Территориальная геральдика Московского царства в «Титулярнике» 1672 г. // Вестник архивиста. № 3, 2021. С. 665–674.

⁹ См.: Пчелов Е. В. Скандинавская геральдика в территориальной символике России XVI–XVII вв. // Вспомогательные исторические дисциплины в пространстве гуманитарного знания. Материалы XXI Международной научной конференции. Москва, 29–31 января 2009 г. / ИАИ РГГУ. М., 2009. С. 300–303.

– Белоозерский — две рыбы, положенные крест-накрест, и над ними полумесяц рогами вверх под крестом (на печати Ивана Грозного Белоозеро символизировала одна рыба);

– «Всея Северная страны повелитель» (не останавливаюсь здесь на весьма примечательной истории этого «странного» титульного определения) — вставший на дыбы конь, сопровождаемый двумя восьмиконечными звёздами сверху и снизу;

– «Государь Иверские земли» — вулкан, пронзённый стрелами крест-накрест;

– Кабардинские земли — две стрелы крест-накрест с наложенным на них в центре гербовым щитком с изображением полумесяца и три звезды по сторонам стрел;

– Черкасских и горских князей — всадник с копьём.

В двух последних случаях также можно видеть прямое отражение региональной специфики, хотя на кабардинский герб также могла оказать влияние западноевропейская геральдика (и со всей очевидностью оказала, учитывая форму гербового щитка в центре композиции).

Помимо титульных гербов от XVII века известны и некоторые другие территориальные и даже городские гербы. Изображения на печатах сибирских городов и острогов предельно конкретны — практически во всех случаях мы вновь сталкиваемся с местной спецификой, преимущественно связанной с пушным промыслом (исключения единичны)¹⁰. Известны также печати уфимская — с изображением куницы, терская — с изображением сайгака и симбирская — на ней представлен шествующий коронованный лев, держащий в одной из передних лап поднятый меч. Понятно, что в первых двух случаях опять-таки сыграли роль местные природно-охотничьи особенности, и только симбирская печать выбивается из этого ряда.

Итак, как говорится, в «сухом остатке» остаётся немного. Можно ли усмотреть в немногочисленных территориальных гербах, имеющих очевидные сугубо символические изображения, влияние западноевропейской эмблематики? Причём подчеркну: именно эмблематики, а не геральдики (сведения и о том и о другом, бесспорно, проникали в придворные круги Московского царства).

В историографии делались попытки некоторых сопоставлений. Так, источником в данном случае служила, прежде всего, книга «Символы и эмблемата», которая хотя и была издана много позже времён Алексея Михайловича, несла, как мы помним, в себе наследие предшествующей эмблематики. С эмблемами из этой книги соотносились следующие титульные гербы:

– Вятский — эмблема № 15: «Масличная ветвь, обвивающая меч, в руке держитый» и еще несколько эмблем (№№ 16, 348, 350, 352, 501), в каждой из которых есть изображение выходящей из облаков руки, которая держит какой-либо предмет (меч, щит, скипетр и т. п.). Но ни в одном из этих случаев рука не держит лук со стрелой. Не находится прямой аналогии вятского герба ни в трактате Диего де Сааведры «Идея политического хри-

¹⁰ Пчелов Е. В. Эмблематика печатей сибирских городов и острогов XVII в. // Сибирские чтения в РГГУ. Альманах. Вып. 4. М., 2009. С. 84–92.

стианского государя», ни в других эмблематических сборниках, начиная с «Книги эмблем» А. Альчиато. Усматривать же в любой руке, выходящей из облака, неважно что держащей, прямую аналогию с вятским гербом — значит делать слишком широкие обобщения, ничего не доказывающие;

– Югорский — эмблема № 31: «Две руки, любовный узел за оба конца держащие» и ещё несколько эмблем (№№ 181, 277, 289 и др.), во всех из которых из облаков выходят навстречу друг другу руки, держащие разные предметы, но опять-таки ни разу перекрещенные копья. Анализ же эмблематических сборников вновь показал, что нигде не находится прямой аналогии югорскому гербу;

– Государя Иверской земли — эмблема № 529: «Огнедышащая гора». Эта эмблема имеет девиз: «Старой моей беде остатки» (в более поздних изданиях — «Се следы моей старой любви»). Каким образом она могла повлиять на герб Иверской земли, совершенно неясно. Тем более что в этом гербе изображён не просто вулкан, а вулкан, пронзённый стрелами. Скорее, можно полагать здесь влияние европейской геральдики или же, возможно, отражение природных особенностей Кавказа (хотя там и нет «огнедышащих гор»);

– «Вся Северная страны повелителя» — эмблема № 599: «Конь бегущий». Однако в гербе изображён вовсе не бегущий конь, а скачущий или, точнее, вставший на дыбы. Кроме того, его сопровождают звёзды, в эмблеме-«прототипе» отсутствующие;

– Смоленский — эмблема № 223: «Райская птица». Однако эта птица изображена летящей ввысь, с соответствующим девизом: «Высокия ищет» («Парит на превыспренняя. Ищет вышних»). Райская же птица в смоленском гербе мирно сидит на пушке. Пушка тоже встречается в эмблематических сборниках, иногда на ней сидит орёл, но мне ни разу не встретилась сидящая на пушке райская птица — прямой аналог смоленского герба.

Наконец, казалось бы, наиболее близкая эмблематическая аналогия титульным гербам это эмблема № 237: «Корона на подушке». В «Символах и эмблемата» её сопровождает девиз «Прелестная вещь», т. е. «прельщающая» (в более поздних изданиях также — «Обманчивое добро»). Латинский аналог — *Vonum fallax*. Соответствующая эмблема есть и в упомянутом трактате Сааведры: это корона, лежащая на подушке, но внутри неё — терновый венец. Такая деталь значительно точнее раскрывает подлинный смысл эмблемы — это «добро» действительно обманчиво. Никакого намёка на подобное толкование не содержится в том тверском гербе, который сопоставляется с этой эмблемой. Визуально некоторое сходство есть, но только в том изображении тверского герба, который присутствует в «Титулярнике». Там действительно корона увенчивает низкий престол с лежащей на нём подушкой (у которой свисают вниз два конца со шнурками). Но это лишь частное изображение тверского герба в конкретном памятнике. На самом же деле на тверской «печати» изображался престол, то есть тронное место, очень хорошо различимое на других её изображениях, начиная с Большой печати Ивана Грозного. Так что сходство здесь обманчиво.

Однако в «Символах и эмблемата» есть ещё одна эмблема, которая при большом желании может быть соотнесена с титульной геральдикой Москов-

ского царства. Это эмблема № 109: «Лев со скипетром». Она изображает восстающего льва (правда, не коронованного), держащего в одной из лап скипетр, и имеет девиз «Кто у меня отимет» («Кто может его у меня отнять»). Лев представлен во вполне геральдической позе с поднятым вверх хвостом. Он очень напоминает льва владимирского герба, хотя в гербе лев коронован и держит не скипетр, а длинный крест. В историографии с давних времён бытует мнение, что будто бы владимирский герб восходит к изображениям львов на памятниках искусства Владимиро-Суздальской Руси¹¹. Однако это вряд ли соответствует действительности, поскольку этот герб появился впервые только в «Титулярнике» и по своему внешнему виду близок к европейской эмблематике и геральдике, а не к тем изображениям львов, которые были характерны для домонгольской (!) Руси. Между тем, и в западноевропейской геральдике можно увидеть геральдических львов с различными атрибутами в лапах, которые изобразительно весьма близки льву Владимирского герба (так, как он представлен в «Титулярнике»). Поэтому вопрос о заимствованиях здесь может ставиться только в самом общем порядке.

Кстати говоря, этот же девиз «Кто у мене отнимет?» сопровождал на несохранившихся воротах Ростовского кремля изображение ярославского герба — медведя с алебардой¹². Роспись этих ворот относится уже к середине XVIII века, и изображения заимствовались как раз из эмблематики, прежде всего из «Символов и эмблемата». Примечательно, что девиз в этом случае был усвоен не владимирскому гербу (как можно было бы предполагать), а ярославскому.

Иными словами, титульная геральдика Московской Руси, конечно же, формировалась в общем эмблематическом и геральдическом контексте своего времени, но эмблематика и геральдика были разными символическими системами, и именно геральдика оказывала на создание русских титульных гербов определённое влияние. Подводя итоги, можно ответить на поставленный в заглавии вопрос, и этот ответ будет отрицательным. Что делать... Как говорится, отрицательный результат — тоже результат.

¹¹ См. подробнее: *Корольев Г. И.* К вопросу о происхождении владимирского герба // *Гербовед.* № 95. М., 2007. С. 60–67.

¹² *Шамурин Ю. И.* Ростов Великий. Троице-Сергиева Лавра. М., 1913. С. 32.